

Звезды на полосах

— Питер Уир — режиссер с ярко выраженным взглядом на мир. Вам трудно было найти с ним общий язык?

— Он очень быстро смог убедить меня перейти на его точку зрения. Он пришел ко мне с рисунками, эскизами, макетами — Питер продумал, все, вплоть до прически моего героя! Жена Питера, художница, разработала "внешний вид" Вселенной, где живет Трумэн: она нашла в журнале фотографии курортного городка Сисайд, который выглядел настолько стерильно, что казался необжитой съемочной площадкой. Питер сделал коллажи и на их основании было решено перенести действие фильма из Нью-Йорка в Сисайд. Питер все время заставлял меня слушать Pink Floyd, композицию Wish You Were Here — он сначала даже хотел подложить ее под финальные титры фильма, но потом решил, что это слишком лобовое решение. Я никогда еще не встречал режиссера, настолько хорошо подготовленного к съемкам.

— Вы решили сняться у Уира, чтобы изменить направление вашей карьеры?

— По правде говоря, нет. Мне этот вопрос вообще кажется неправильным. Словно я должен стыдиться того, чем занимался раньше. Словно я специально завоевывал уважение интеллектуалов, снимаясь у Питера. А на самом деле я играл в "Шоу Трумэна", потому что мне чертовски понравился сценарий и персонаж. Я дал согласие играть в этом проекте еще до того как студия пригласила Уира. Я прочитал сценарий Эндрю Никкола и понял, что нашел то, что искал: мне хотелось сняться в истории, которая коснулась бы проблем взаимопрониновения личной и публичной жизни знаменитости. Для меня этот фильм стал в некотором роде психотерапевтическим сеансом — ведь со времени успеха "Эйса Вентуры" я живу как в аквариуме. Все поступки, все слова, вся моя жизнь изучается под микроскопом, а потом деформируется масс-медиа до неузнаваемости. Неудивительно, что меня заинтересовала судьба героя, который 24 часа в сутки находится под телевизионным колпаком!

— Говорят, что ради съемок в этом фильме вы снизили свой стандартный гонорар?

— Игра стоила свеч! Я не хочу, чтобы на мне висел ярлык "член клуба 20-миллионщиков". Эта цифра не значит ничего, кроме того, что мои предыдущие фильмы имели успех. Это чисто коммерческая бирка. Сегодня кинопроизводство становится все дороже и дороже, и почему бы мне не получать такие деньги за чисто коммерческие проекты? Но когда есть возможность поработать с Питером Уиром и Милошем Форманом, финансовые соображения отходят на второй план.

— Сколько же вы получили за "Шоу Трумэна"?

— Двенадцать с половиной миллионов долларов. — Незадолго до начала съемок "Шоу Трумэна" провалился фильм "Кабельщик", в котором вы попытались придать вашему имиджу более мрачную окраску. Вы волновались накануне начала съемок "Шоу..."?

— Нет, практически нет. Я знаю, что "Кабельщик" — хороший фильм и был рад, что снялся в нем. Конечно, некоторым из моих поклонников фильм не понравился, но я же не могу всю жизнь играть Эйса Вентуру и разговаривать со своей задницей! Мне хочется играть все. Знаете, я начинал карьеру в комедийных клубах, выходил на сцену перед жующей публикой и смешил ее — рассказывал анекдоты, имитировал голоса знаменитостей. Мне повезло — позже я смог перебраться на ТВ, а потом в кино. Но я знал людей, которые 20 лет смешили эту публику и до сих пор занимаются тем же. Грустно, правда? Я бы так не смог. Мне все время хочется сделать что-нибудь такое, чего никто никогда не делал. "Кабельщик" был первым шагом в иную вселенную. Нельзя все время есть одни хот-доги, нужно иногда лакомиться бифштексами. И потом, я считаю, что это оскорбительно для публики — считать, что они жаждут всю жизнь видеть тебя в одной и той же роли. Моими первыми поклонниками были ребяташки, но сегодня они уже подросли, их интересы изменились. И мои тоже.

— Вам не кажется, что Уир может изменить вашу карьеру, как ранее он изменил карьеру Робина Уильямса фильмом "Общество мертвых поэтов"?

— Господи, меня все время об этом спрашивают! Да, Робин Уильямс может сыграть все, и Питер был первым, кто раскрыл в нем драматический талант. Том Хэнкс тоже может сыграть все, хотя в начале карьеры из него старались сделать комического актера. И Стив Мартин, кстати говоря, тоже... Мы, актеры, похожи на спящих красавиц: нужен принц-режиссер, который смог бы нас разбудить. Мне всего 36 лет, я могу еще долго исследовать свои возможности. Но мне кажется, я все время учусь чему-то новому, и становлюсь более зрелым актером. Нет, конечно, мне пока далеко до Роберта Де Ниро, но каждая встреча с новым режиссером, новым партнером, новым сценаристом помогает найти в себе что-то необычное. Хочу вам признаться: во мне еще много неисследованных эмоций, я пока держу их в запасе, но рано или поздно мне придется вылить их на экран, и тогда начнется настоящее наводнение! (смех).

— Как проходили съемки "Шоу Трумэна"?

— Я уже говорил, что Питер с самого начала совершенно точно, до мельчайших деталей, знал, чего он хочет. Но он дал мне полную свободу в обращении с персонажем. Я часто предлагал ему свои версии реплик и диалогов, и даже какие-то идеи по мизансцене того или иного эпизода, и он всегда ко мне прислушивался. Кое-что он принял, кое-что нет, но между нами все время шел обмен мнениями.

Джим Кэрри едва не стал серийным убийцей!

Сьюзен ХОУАРД

Новый фильм с Джимом Кэрри "Шоу Трумэна" стал новым доказательством того, что комику с резиновым лицом подвластны все сюжеты и жанры. В этой кинопритче, поставленной Питером Уиром, Кэрри играет человека, который в 30 лет узнает, что на самом деле является героем непрерывного телешоу, демонстрируемого 24 часа в сутки и считающегося самым популярным на планете.

Он давал мне пластилин — надеюсь, вы понимаете, что это метафора — и приказывал лепить собаку. Я лепил собаку в своем углу и приносил ему.

Он не говорил ни "хорошо" ни "плохо", но брал новую порцию пластилина, прилеплял собаке крылья и говорил: "Вот у нас и получился летающий пес!" Вот так мы работали. Это был обогащающий душу опыт.

— В прессе писали, что Уир, мол, смог обуздать темперамент Джима Кэрри. Вы с этим не согласны?

— Ну... это не совсем так. Я люблю "отмечаться" в каждой сцене. То есть — подкидывать с нее свои идеи и дожимать их до конца. Наверное, вы обратили внимание, что во многих моих предыдущих фильмах очень много вставных приколов, которые доводят каждую сцену до пароксизма. Я хорошо это понимаю, когда позже смотрю готовый фильм, но во время съемок ничего не могу с собой поделать. А в "Шоу Трумэна", хотя мой персонаж и живет в полумультяшной вселенной, подбросные трюки были бы лишними. Поэтому Питер меня заранее "скадрировал" от начала до конца, чтобы герой четко прошел все ступени психологического прозрения так, как прописано в сценарии. Иногда он давал мне волю, и я мог делать то, что мне вздумается — наверное, Питер понимал, что иначе я просто не выдержу. А после первого дубля он показывал мне на мониторе то, что получилось, и говорил: "Теперь видишь, что это не нужно?" Многие сцены перед зеркалом, где я сам с собой разговариваю, снимались именно так. Я отсматривал дубль за дублем и по возможности минимизировал свои приколы.

— Вы можете сформулировать квинтэссенцию образа, который сыграли в "Шоу Трумэна"?

— "Шоу Трумэна" — самый необычный фильм в моей карьере. Это не развлекательное кино, но вместе с тем — фильм, который захватывает с первых же кадров. Это метафора о силе человеческого духа. Нельзя жить в клетке, даже если она позолочена. Нельзя сфабриковать счастье. Этот город, созданный на телеплощадке, близок к кошмарам Нормана Роквелла. Я почему-то вспоминаю эпизод "Звездного трека", когда экипаж курит марихуану и говорит: "Вот оно, счастье". Трумэн — пленник, заложник телевидения, хоть и не догадывается об этом. И когда он узнает истину, он выбирает свободу. Согласитесь, у каждого из нас был в жизни подобный момент. Рано или поздно нужно сделать выбор между свободой и благополучием. Я понимаю Трумэна. Нужно уметь наподдать самому себе под задницу, если начинаешь привыкать к комфортабельной посредственности, которую выдают за счастье.

— Вы считаете, что вам это удалось?

— Да. Когда я уехал из Торонто. Когда я бросил выступать в ночных клубах. Когда я развелся. Когда я решил сниматься в "Шоу Трумэна", хотя меня убеждали, что этим шагом я погублю свою карьеру. В нашем фильме Трумэн каждое утро говорит соседу: "Доброе утро, добрый день, добрый вечер и доброй ночи — на тот случай, если мы с вами больше не увидимся". Эту фразу придумал я. Мне казалось, что в запрограммированном мире телешоу она будет звучать особенно абсурдно. Я говорил ее перед камерой, думая о своем отце. Папа любил отпус-

кать двусмысленные комплименты. Он был бухгалтером, и когда судьба повернулась к нему задом, остался без работы. Мы с сестрой учились в школе и жили в вагончике, мы были совершенно без денег. Папа в молодости был музыкантом, он был очень веселым, забавным человеком, и нам казалось, что он всегда будет видеть жизнь в розовом свете. Когда мы обеднели, он очень переживал из-за того, что вовремя не повернул жизнь в другую колею. Мой Трумэн — попытка отдать дань уважения отцу.

— Вы говорили однажды, что вдохновлялись имиджем Джеймса Стюарта для роли Трумэна.

— Да — вернее, сущностью его имиджа. Я обожаю этого актера за то, что он умел делать интересные обычные люди. Когда я снимался у Шумахера в "Бэтмене — навсегда", он сказал мне, что я должен сделать римейк фильма "Жизнь прекрасна" Капры и сыграть роль, которую играл Стюарт. Я считаю Трумэна братом героя фильма "Жизнь прекрасна". И братом Форреста Гампа.

— До сих пор ваши фильмы неизменно имели плохую прессу в интеллектуальных изданиях. Теперь ваше лицо появилось на обложке Time.

— Я уже раньше позировал для обложки Time — правда, я был загроможден под Саадом Хуссейном. (Пауза) Шутка! А вы что, поверили? Конечно, мне было приятно засветиться на обложке Time. Приятнее всего было то, что меня сфотографировали в костюме Трумэна: таким образом, Time словно продолжил линию фильма. Что касается критических рецензий на "Трумэна", я их "пил" маленькими глотками, как дорогой коньяк. До "Шоу Трумэна" все говорили только о кассовых сборах моих фильмов.

— После Уира вы отправляетесь сниматься к Форману в "Человеке на Луне". Это стратегическая линия — сниматься теперь только у серьезных режиссеров — или совпадение?

— Я просто не мог отказаться! Милош Форман снимает фильм о комике Энди Кауфмане, а Кауфман был гением перевоплощения. Конечно, он был немного сумасшедшим — даже более сумасшедшим, чем я сам! (смех). Его не зря называли жертвой расщепления личности: он вообще не видел границы между собой и своими персонажами. Его постоянно заносило и он часто попадал в опасные ситуации. Перед съемками "Шоу Трумэна" я решил, что после этого фильма возьму годовой отпуск. Но когда прочитал сценарий "Человека на Луне", не смог отказаться. Более того, я сам набился к Милошу: записал любительскую домашнюю кинопробу и отправил ему. Понимаете, эта роль... я ее внутренне чувствую.

— Впервые в жизни вы играете реального человека.

— О, я провел настоящее детективное расследование. Я разговаривал с родными Кауфмана, его партнерами, друзьями. Мне хотелось понять, что он чувствовал, почему он так себя вел. Этот тип был настоящим айсбергом. Айсберг — ты слышишь меня, Лео? (смех). И мне удалось раскопать многое в его подводной части.

— Если бы вы не стали актером, чем бы занялись?

— Стал бы серийным убийцей. Или биржевым маклером. (смех). Если говорить серьезно, то, наверное, стал бы художником. В детстве я не мог оторваться от карандашей и бумаги. Я был замкнутым на грани аутизма ребенком, все время рисовал какие-то странные картинки и страшно злился, когда меня от них отрывали. И сегодня, как только начинаю рисовать, мне становится хорошо. Это единственный способ не сойти с ума в Голливуде.

ЛОС-АНДЖЕЛЕС